

В диссертационный совет Д 170.001.02
При Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации
123022, Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15

ОТЗЫВ

**об автореферате диссертации Ображиева Константина Викторовича на
тему: «Система формальных (юридических) источников российского
уголовного права», представленной на соискание ученой степени доктора
юридических наук по специальности 12.00.08 – Уголовное право и
криминология; уголовно-исполнительное право**

(Москва 2015)

Специалистами в области уголовного права уже давно не оспаривается тот факт, что российское охранительное законодательство далеко не совершенно как по форме, так и по содержанию.

Проведение точечного реформирования УК РФ в отсутствии взвешенной стратегии уголовной политики напоминает «забывание» брешей в конструкции, которая уже давно нуждается в кардинальной реконструкции. Такая практика, приемлемая на стадии становления новой идеологической парадигмы, в условиях стабилизации политического курса страны и утверждения ее статуса на международной арене существенно подрывает авторитет государственной власти и приводит к весьма негативным правовым последствиям. В числе последних достаточно отметить размывание юридических границ уголовно-правового регулирования, активное использование неадаптированных к национальному праву международных конструкций, придание отдельным казусам статуса источников права и др.

В этих условиях теория и практика как никогда остро нуждаются в концепциях, способных унифицировать представления о предметных и инструментальных границах российского уголовного законодательства и тем самым сдерживать стихийное правотворчество. Одной из таких концепций, без сомнения, является теория правовых источников. И с этих позиций диссертация К.В. Ображиева, закладывающая основы нового понимания источниковой базы российского уголовного права, представляется весьма актуальным и практически значимым исследованием.

На современном этапе развития государства и общества анализ формальных (юридических) источников российского уголовного права является весьма смелым и даже дерзким начинанием по той причине, что представления большинства криминалистов основываются на классической доктрине, в рамках которой единственным источником уголовного законодательства является уголовный кодекс. И нет ничего удивительного в том, что объективное

расширения источников уголовного права воспринимается ими с недоверием и враждебностью.

Заслуга автора рецензируемой работы заключается именно в том, что ему удалось «примирить» положения прежней доктрины с объективно происходящими процессами, предложить качественно новый подход к объяснению природы ряда формальных источников и при этом не вызвать недовольство приверженцев советской юридической школы.

Следует особо отметить системный характер проведенного исследования, позволивший выявить тесные функциональные связи между различными источниками уголовного права, выстроить их иерархию и определить приоритетные направления развития.

Отстаивая авторскую дефиницию юридических источников и доказывая их системность, автор вынужден постоянно апеллировать к положениям общей теории права и защищаться от еще не высказанных, но ожидаемых контраргументов. И то, с какими тактом и упорством он это делает, свидетельствует о его высоком профессионализме и научной принципиальности.

В автореферате диссертации нашел отражение целый ряд аргументированных, оригинальных и новаторских положений. Примечательно то, что соискатель вышел за рамки привычного восприятия источников уголовного права и предложил рассматривать их как системное образование, обладающее рядом устойчивых свойств и характеристик.

В работе на высоком научном уровне объяснена природа формальных источников уголовного права, оценены их функциональные возможности и выстроена иерархия, доказана зависимость системы юридических источников от факторов внешней среды и предложен ряд интересных рекомендаций по совершенствованию российского законодательства.

Результаты исследования вносят существенный вклад в теорию уголовного права, расширяют информационную и теоретическую базу уголовно-правовой политики в части, касающейся решения проблем источников уголовного права.

Сформулированные в работе предложения по совершенствованию уголовного законодательства в случае их правильной реализации способны качественно улучшить нормативное обеспечение уголовной политики и, как следствие, снизить криминогенные риски.

Давая высокую оценку диссертации К.В. Ображиева, отмечу, что, как и любое исследование сложной во всех отношениях темы, оно не лишено некоторых спорных положений.

1. В частности, трудно согласиться с позицией автора о необходимости «конституционализации» уголовно-правовых принципов (С. 27 - 28). По его мнению, уголовно-правовые нормы вправе претендовать на закрепление в Конституции РФ только в том случае, если регулируемые ими отношения попадают в зону «пересечения» предметов уголовно-правового и конституционно-правового регулирования. Но это утверждение верно лишь отчасти.

Характерной чертой конституционных норм являются то, что они охватывают широкий круг общественных отношений, которые не могут быть разделены на зоны или области в зависимости от специфики отдельных отраслей права. И приведенная в качестве примера норма о запрете на применение жестокого или унижающего человеческого достоинства наказания только подтверждает этот вывод, поскольку охватывает как уголовно-правовые, так и процессуальные и уголовно-исполнительные отношения.

Не ставя под сомнения важность соответствия уголовного законодательства положениям Конституции РФ, считаю, что предлагаемый соискателем подход является радикальным решением вопроса, который, надо заметить, уже имеет приемлемое решение.

«Конституциализация» уголовно-правовых норм может быть реализована в рамках существующей трехзвенной модели принципов, где конституционные принципы конкретизируются в отраслевых, а последние – во внутриотраслевых, и при этом конституционные положения сохраняют известную самостоятельность.

С учетом политико-правового значения Конституции РФ риск того, что введение в нее принципов виновной ответственности и принципа личной ответственности приведет не к «конституциализации» уголовно-правовых норм, а к приданию конституционным нормам уголовно-правового контекста, что, в свою очередь, будет поводом для возобновления дискуссии о полицейском государстве.

2. Говоря об управляемости системы формальных источников уголовного права (С. 41), автор обращает внимание на синергетичность этой системы, проявляющуюся в том, что ее функциональные возможности значительно превосходят функциональность составляющих ее элементов (С. 38). Но при этом он упускает из виду ключевое значение термина «синергетика», а именно самоорганизацию системы при невозможном либо слабом влиянии внешних факторов.

Гносеологический потенциал синергетики заключается именно в том, что она позволяет определить состояние системы формальных источников как состояние, возникающее в результате многовариантного и неоднозначного поведения элементов и развивающееся вследствие нелинейности (непредсказуемости) внутренних процессов. С этих позиций вывод очевиден: если система формальных источников права синергетична, она априори не может быть управляемой.

Думается, соискателю следовало бы более подробно обосновать свою позицию и по возможности определить зоны, где формальные источники выступают как управляемые, а где – как самоуправляемые системы.

3. Возражение вызывает утверждение о том, что решения международных трибуналов *ad hoc* (по бывшей Югославии и по Руанде) не являются юридическими источниками международного уголовного права. По мнению автора, указанные органы посредством своих правовых позиций формируют практику применения норм об ответственности за международные преступления, которые учитываются субъектами правоприменения не в силу ее прецедентного

характера, а, прежде всего, по причине ее авторитетности и устойчивости (С. 35). Данная позиция, несмотря на свою убедительность, кажется излишне категоричной.

Во-первых, приведенные соискателем аргументы в полной мере можно отнести и к рекомендациям Постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Они, как и решения международных трибуналов *ad hoc*, формируют практику применения норм, но в отличие от последних, относятся автором к числу формальных (юридических) источников уголовного права.

Во-вторых, процесс определения статуса решений международных трибуналов нельзя считать завершенным.

По мере развития международного уголовного права их роль в правоприменительной деятельности только возрастает, причем в равной мере это относится к *ratio decidendi* (положениям, применяемым к правовым вопросам, возникающим в связи с установленными судом фактами, на которых основано решение) и к *obiter dictum* (рекомендациям, данным попутно при рассмотрении основного вопроса).

Одним из доводов в пользу выделения решений суда в разряд самостоятельных источников международного уголовного права является следующее разъяснение Апелляционной камеры Международного трибунала по бывшей Югославии: «Принцип законности не содержит в себе ничего такого, что запрещало бы интерпретировать законы через решения судов и, в уместных случаях, опираться на эти решения при рассмотрении последующих дел».

В частности, именно решения международного трибунала *ad hoc* легли в основу толкования мотивов преступлений против человечности в деле Тадича.

С этих позиций отрицать значение решений международных трибуналов в качестве возможных (потенциальных) источников международного уголовного права было бы ошибочно.

Более того, доводы автора о расширении системы источников уголовного права за счет Постановлений Пленума Верховного Суда РФ могут быть использованы для обоснования важности расширения перечня формальных источников международного уголовного права, что, полагаю, и будет сделано в обозримой перспективе.

Отмеченные недостатки, однако, не влияют на общую положительную оценку работы, цельность и аргументированность предложенной автором концепции.

Содержание автореферата свидетельствует о том, что диссертация Константина Викторовича Ображиева на тему «Система формальных (юридических) источников российского уголовного права» является самостоятельным, логически цельным, эмпирически подтвержденным научным трудом, результаты которого имеют значение для развития юридической науки и практики противодействия преступности.

Она соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям пунктом 9 Положения о присуждении ученых степеней (утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 «О порядке присуждения ученых степеней»),

а ее автор – Ображиев Константин Викторович – заслуживает присуждения
искомой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 –
Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
МГИМО (У) МИД России,
доктор юридических наук,
доцент

Сидоренко Элина Леонидовна

26 января 2015 г.

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего профессионального образования «Московский государственный
институт международных отношений (университет) Министерства
иностраных дел Российской Федерации»
119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76
12011979@list.ru